

ЛАКЕРБАЙ ЮРИЙ АСТАМУРОВИЧ

Произведения.

«Родословная»

«Изяслав привел царицу
Из Обези...»
У Сильвестра,
Не в обиду летописцу,
Портит дело скупость текста.
От лозы, обнявшей крепость
Узловатыми руками,
От орлов, идущих в небо
Двухверстовыми витками,
От корявых, цепких грабов,
Стережущих сумрак синий,
От замшелых гордых храмов
Подревней Златой Софии,
От кошмара ранних скачек,
От заклятий и от песен,
Схожих с поминальным плачем, –
Вот что значит – «из Обези»!
Двух земель союз старинный,
Жизнью я ему обязан:
Дочь была у славянина,
Вышла замуж за абхаза.
Тихо-тихо, рано-рано
Начиналась эта радость:
Ястреба из Ачандара¹
Шли под тульским листопадом,
Шли они в преддверье вьюги
И замерзнуть рисковали...
Две земли, как две подруги,
В детском сердце тосковали,
И в одной душе звучали
То призывом, то укором
Дона родничок начальный
И шальной бросок Кодора²,
Темный наговор самшита,
Стылость алая рябины
И над склоном, мглой повитым,
Резкий клекот ястребиный!
Я двойным родством доволен,
Я судьбою не обманут:
Позабудут в чистом поле –
На крутой горе помянут!..

«Земные звезды»

Мерцают звезды в черной мгле.
Их свет струится слабо,
А утром звезды на земле,

скупо.

На стеблях трав,
На листьях дуба.
К светилам дальним

путь не прост –

Пять тысяч лет промчится мимо,
А утром столько ясных звезд
В глазах друзей,
В глазах любимой.
И если скажут мне:
– Веди
Ракету в космос!
Землю брось ты! –
Я прячу маленькие звезды,
Заумные звезды на груди.

«Человек»

Тяжелой розы влажный лепесток
Лучист и ал, как небо на восходе.
Но вряд ли я гордиться розой мог:
Ведь я во многом уступал Природе.

Но был упрям я.
И за веком век
Я подмастерьем шел к ней на ученье...
Экзамен трудный сдал я,

Человек,

Дорогой звезд послав свое творенье!

Это было нелегкое дело.
Реи лопались,
Ветер был груб,
И безмерно был счастлив Колумб,
К побережью пригнав каравеллы.
Ветер снова был крепок и дик,
Драл на простыни парус крылатый,
И на чистый еще материк
Шли торговцы, попы и пираты.
И убийц разрасталась семья,
Как на пленках кино в Голливуде...
Это было с тобою, Земля,
Но с Венерой и Марсом – не будет.
Правом первых и силой своей
Мы не пустим под звездные крыши
По путям человеческих людей
Саранчою летящих людишек!

«Наследство»

Простой охотник был мой дед.
В черкеске, выцветшей от зноя,
Кроил он седла много лет,
Стрелял он коз у водополя.

Кусок горы – плохой надел,
Здесь камни потом поливали.
А серебро мой дед имел
Ну разве только на кинжале.
Простой охотник был мой дед.
Что мог оставить мне в наследство?
Он ото всех тревог и бед
Лишь труд считал надежным средством.
...На косогоре за версту
Видна могила.
В плоский камень
Лучи заката сквозь листву
Бьют раскаленными клинками.
Хлопочут лозы по весне,
Ползет дорогой скрип аробный,
И осыпает майский снег
Черешня на гранит надгробный.
Пчела, звеня, обходит луг,
И муравью покой не ведом.
Живет во мне, живет вокруг
Любовь к труду – наследство деда!

«О сердце»

Под весенними грушами,
Где снует воробье,
Друг, присядем,
Послушаем,
Каждый сердце свое.
Было яркое золото,
Был и серый ковыль, –
Сердцем все перемолото,
Перемолото в пыль!
И желанья лучшие,
И чужие слова –
Сколько сердцем пропущено
Под круги-жернова!
Беспокойней метелицы,
Тверже каменных плит
Сердце –
щедрая мельница
Все гудит!
Все гудит!

Бродит ветер по просекам рыжим,
Журавли пролетают, трубя.
Я зову, но мой голос не слышен.
Разве он долетит до тебя?

Но когда-нибудь дальней весной,
В землю спрятанный глубже корней,
Позову тебя ветром,
травю,
Беспокойной трубой журавлей.

Море отбросит ударом волн,
Встанешь – бледней пергамента.
Снежной лавиной осыпет склон.
В пропасть уложит замертво.
Лавине прощу я –
она слепа,
Морю прощу –
Не видело...
Но женщина –
Женщина так слаба! –
Словом меня обидела.

«Рыбакам»

Ваша жизнь – это промысел грубый,
Маяка настороженный глаз,
Свежим ветром пропахшие губы,
Крупной солью дубленный баркас.
Связки мышц – корневищами дуба.
Море с вами и море за вас!
Бьет волна, высока и бурлива, –
Не порвать ей тяжелых сетей.
Море вам – словно хлебная нива,
Разве только пахать веселей.
Ветер в помощь!
Привет вам, ребята!
Пусть баркас не наскочит на мель,
Пусть улов будет трижды богатым.
Крепче
артель!

«Грубеет сердце»

Спросите, люди: кто ему позволил
Щадить себя и забывать людей?
Как хлебороб бесплодием полей,
Своим я сердцем нынче недоволен.

Чужая боль порой и не тревожит.
Судите, люди!
У меня в груди
Грубеет сердце, как грубеет кожа
На караванном ветреном пути.

Судите, а не делайте уступок:
От сожаленья пользы никакой.
Чужой нарост, пока он свеж и хрупок,
Сдерите с сердца твердою рукой!

Нет, не буду я медленной смертью
Умирать у людей на виду.

Бытие!
Из твоей круговерти
Я в свой срок веселее уйду.
Не грустя,
 не устав,
 не доспорив,
Я уйду от зеленых земель,
Как прожектор, разрезавший море,
Словно пуля, сразившая цель.

Высоко над землю – звезды огонек.
Глубоко под землю – гроба...
Нам бы вместе упасть,
Когда выйдет наш срок,
Но по-своему судит судьба.
Я б друзей хоронил
Только в пене морской,
Чтоб не видеть широких крестов,
Чтоб надгробный гранит
Не искрился слезой,
Чтобы не было блеклых цветов.
В штормовую,
Веселую,
Дикую ночь
Я б ходил на гудящий причал.
Ударяя в бетон во всю звонкую мощь,
Ветер
Голосом друга б кричал.
Ранним утром умчался бы ветер в Стамбул,
Обогнав караван кораблей,
Но ворочала б волны,
Как раньше – судьбу,
Беспокойная сила друзей!

«Осеннее»

В Стамбул укатило лето.
Предгорья – рыжее лис.
И косо летит в кюветы
Грузный кленовый лист.

Летят журавли в тумане.
Тревожен прощальный крик.
О теплых губах бараньих
Грустит за хребтом родник.

Из ближних селений рано
Спешит на базар народ –
В корзинках огнем багряным
Пылает созревший плод.

Поток в тесноте ущелья
От ливней глухих окреп,
И весело мелет мельник
Для будущих свадеб хлеб.

«Шоссе»

Декабрьскую ночью,
Сверкающим утром,
Когда твои клены в росе,
В автобусе мягком,
В машине попутной
Я был твоим гостем,
Шоссе!

У бензоколонок,
В дешевых столовых,
Где хватит закуски на всех,
В кругу шоферов
И случайных знакомых
Я был твоим гостем,
Шоссе!

Здесь есть остановки,
Бывают простои:
Машину иной разобьет...
Но правит здесь сердцем
И дорого стоит
Рабочее слово –
Вперед!

Одних ты уносишь
От милого крова,
Других
Возвращаешь домой.
Тебе не придумали
Дня выходного,
Но ты не знакома
С тоской.

Я друг твой,
Шоссе!
Ты умаялось за день –
Разделим труды
Пополам:
Бери мои песни,
Давай твои клады,
Пожары рябин
По краям!..

«На Санчарском перевале»

На Санчарский крутой перевал
Подниматься охотников мало:
Скользки тропы,
Сорвется обвал,
Прогремит – и тебя не бывало!

Госпитальной его белизны

Не забудут живые солдаты.
Спят здесь рядом с сынами Апсны
С Енисея и Волги ребята.
Плач родных не вторгается в сны,
Да и путь на поминки не близкий...
И блестят чуть повыше луны
Гребни скал, как могил обелиски!

«Сыновья»

Когда отец его Россией шел, –
Расстегнут ворот,
Пьян и мутен взор, –
Его в одном из разбомбленных сел
Убил отец мой выстрелом в упор.

Семнадцать лет протопали спеша.
Огромный зал...
Народ валит толпой...
А сыновья стоят,
В руках зажав
Клинки.
И скоро должен грянуть бой.

Он начал – я отбил удар прямой.
Родные стены прибавляли сил.
Я победил.
Но странным был наш бой:
Меня обнял он, поблагодарил.

Весенней ночью мы бродили с ним,
Воспоминанья детства гнали прочь.
Он говорил, что другом быть моим
Желал бы он...
И что красива ночь.

Он стал мне другом – будет до конца,
И редким письмам искренне я рад.
Хороший парень, росший без отца,
Убитого семнадцать лет назад.

Мокрые сосны...

в бездне окна,
Серая дамба за ними.
В гнездах пустых начало октав,
Ноябрь композитору имя.
За музыку эту полушки не дам,
Она как письмо ниоткуда.
Шляется ветер по рыжим холмам
В поисках чуда.
Вот он проходит песчаной косой,
Острой, как скальпель.
Ищет красавицу с темной косой,
В бездне морской поискать бы!

В зеленоватой морской глубине,
Там колыбель и могила,
Авиалайнер стынет на дне
В ангаре из ила.
Не открывайте ящик стола!
Каждое слово на месте:
«Крепко целую. Долго ждала.
Вечером будем вместе!»
В зеленоватой крутой глубине
Вечера не наступило...
Не говорите о море при мне.
Эта пустыня постыла.

«Поэзия»

Хотя мы твердим,
Что она создается, –
Это в труде
Прибавляет нам
Мужества.
Она и без нас
Существует,
Как солнце.
Поэт и поэзия –
Просто содружество.

«Вечером»

Закат по зеленому льется багровый,
Деревьям бы вспыхнуть, как свечи.
Ударился бедный галчонок о провод,
Упал – и помочь ему нечем.

Он клюв открывает, окрашенный кровью,
И смотрит в вечернее небо:
Горят облака, и высоко на кровле
Два голубя кормятся хлебом.

Он смотрит в свой мир,
Что навеки потерян
И так удивительно близок...
А мир этот ярок,
Он в смерти не верит,
Он золото льет по карнизам.

«Кружит ворон»

Кружит ворон.
Он живет лет триста
За добычей жалкою в погоне.
Видел смерти он и видел тризны –
Много видел – ничего не понял!
Я моложе, но мудрей, чем ворон.

Шар земной держу в руке, как грушу.
Если я вчера построил город,
Даже в гневе город не разрушу!
Наше время – это подвиг Кастро,
Голос Конго:
Палачей к ответу!
Шар земной,
Ты черный или красный –
И другого не приемлешь цвета!
Я люблю тебя большой любовью,
Так не любит зритель безучастный, –
Если нужно, то своею кровью,
Шар,
Тебя я перекрашу в красный!

«Первый снег в горах»

Я живу у сестры в деревушке глухой.
Путь от города к нам затерялся во мгле...

Выпал снег поутру – он хрустит под ногой,
Первый снег на скалистой абхазской земле.
Сразу стало спокойней и тише в горах.
Жизнь как будто устала, замедлила бег.
Лег на лозы, искрится на серых камнях
И с черешен седых осыпается снег.
Завтра с другом пойдем мы старинной тропой
Диких коз пострелять в верховьях ручья...

Я живу у сестры в деревушки глухой.
Мой алтарь – праотцами зажженный очаг...

«12 апреля 1961 года»

В день, когда правит сердцами
Подвига великолепие,
Ищу я вас и найду!
Хочу говорить я с вами,
Бойцы моего столетия,
Убитые в этом году.
Утром она стартовала –
Чудо отчизны Ленина,
И был человек на борту...
Казалось, вас смерть обокрала,
Бойцы моего поколения,
Убитые в этом году!
В Конго,
Алжире,
Лаосе
Бьются под вашим знаменем
Люди большой мечты.
В Конго,
Алжире,
Лаосе
В землю ушли вы пламенем –

Не отыскать плиты!
Пусть те, что вас пулей метили,
Зная, что сами – смертники,
Спешили, живых хороня, –
В строю вы, мои ровесники,
И вас я зову в свидетели
Неповторимого дня!

«Земля»

Она была просторней в годы Рима,
когда рабы по ней брели, брели...
Теперь
Уходят к звездам корабли –
и край Земли мы ощущаем зримо.
Мала Земля моя!
Но не на столько,
чтоб ей был в тягость
умный род людской,
чтобы какой-то Бобби или Колька
сметен с нее был
атомной волной.
Земля моя!
Жемчужина Вселенной,
летящая в оправе голубой...
Она бывала мирной и военной,
она бывала щедрой и скупой,
на ней родятся сказочные розы,
в нее вросли заводов корпуса,
в огромный бубен бьют над нею грозы,
не заглушая птичьи голоса...
Вонзайся в небо в грохоте и гуде –
она тебе останется верна,
и в самые глухие времена
на ней не будет тесно
честным людям!

«Гвардейцы земли»

Различна их служба,
Различен наряд.
Шахтеры,
Врачи,
Металлисты...
Но это – испытанный

крепкий

отряд,

И имя его –

коммунисты!

Различны их страны,
Различен язык.
Но знамя багрово и чисто.
И каждый из них

честным

сердцем

велик,

Гвардейцы Земли – коммунисты!
Чеканят гвардейцы могучий свой шаг,
За счастье людское
Я знаю, в надежных, в ответе, –
умелых руках
Все судьбы на нашей планете!

«Олень после боя»

Проходит олень к водопою
Мимо зеленых деревьев.
Долго гремит над тропею
Трубный прерывистый рев.

Рвет паутину рогами,
Смотрит устало и зло.
Ветки хрустят под ногами,
Ходят бока тяжело.

Мчится поток в отдаленьи,
Бьет в ноздреватый гранит...
Бурая шкура оленья
Рваную раной дымит.

Завтра он в просеках влажных
Самки отыщет следы.
Мучают рана и жажда...
Только б дойти до воды!

«Зимнее»

Чертит мелом
Мороз по пристани.
Белый голубь

на белом

выступе.

Пристань вымерла,
Баржи брошены,
Но не спит Двина,
Запорошена, –
Все клянет свое
Одиночество.
Очень голубю
Лета хочется...
Чтобы солнце,
Взойдя над арками,
Пятерню протянуло
Жаркую;
Чтобы баржи блестели
Бивнями
Под косыми

слепыми

ливнями;

Чтоб тянули,
Как было исстари,
Парни-грузчики
Квас на пристани;
Чтобы в сквере –
Он пуст и гол еще –
Голубей ворковало
Сборище,
И мальчишки –
Смуглы, как желуди, –
Мягким хлебом
Кормили голубя.

* * *

«Белорусская земля»

Эта трасса Витебск – Минск
Мной давно изучена.
Проплывают под крылом
Синие излучины,
Проплывают под крылом
Города районные
И картофельных полей
Острова зеленые.
Край озер,
Равнинный край,
Ты раздолье древнее
С одиночеством церквей,
С новыми деревнями.
Расстилалась пеплом злым
Ты под войском пановым,
Но сыны на помощь шли,
И цвела ты заново;
Вздыбив к небу города,
Смыв следы пожарища...
Белорусская земля,
Мы с тобой – товарищи!
Может быть, давно б ушел
Без оглядки в горы я,
Но ты смотришь на меня
Тихими озерами...
В буйный лес Авадхары
Я б ушел не мешкая,
Но приветливо шумит
Пуща Беловежская,
Но алеет, как гранат,
Красная смородина...
Белорусская земля,
Ты мне – тоже родина!

* * *

«Лес»

Лес
самшитовый

крепче железа,
 Опрокинулся
 в темный провал.
 Я – владетель
 высокого леса,
 Я, как Беринг,
 его открывал.
 Дождевые
 огромные
 капли
 Лес
 ронял
 в синеву лепестка,
 А сердился –
 так бил,
 словно саблей,
 Острой веткой
 свистел у виска.
 Он карабкался выше и выше,
 Обживая неласковый кряж.
 Я охотником
 из лесу вышел,
 И стихами
 набит
 патронташ!
 Здравствуй,
 город в бетоне и рельсах!
 Ты мне дорог,
 Ног слишком ты мал, –
 Я ввалился из горного леса,
 Я любимую там обнимал!
 ...У одних –
 долина Кахети
 Или сад в тополином пуху...
 Я зеленого леса владетель,
 Я оставил его наверху.

«Самшит»

Самшита куст, зеленый друг,
 Из детства он недавнего.
 Вдали от любопытных рук
 Стоит, вцепившись в камни он.

Ему все беды по плечу –
 Пророс из недр гранитовых.
 В мой трудный день я быть хочу
 Хоть веточкой самшитовой.

«Состязание»

Вот дорога!
 Подъем
 поворот...
 Наша «Волга» шуршит по гудрону.

Если стоишь ты рядом
И смотришь в упор,
Он дремлет,
Но отойдешь подальше,
Туда,
Где вбито кольцо, –
Святой на тебя посмотрит
Как житель глухой деревни,
Неурожайным летом
Вышедший на крыльцо.
А мой провожатый в черном,
Он знает здесь каждый камень.
Он сам
 словно камень в кладке,
В кладке твоей,

 собор.

Он говорит мне глухо,
Как потайными ходами
В массивной стене крестьянки
Скрывались от вражьих свор...
Вкруг замка Свети – Цховели
Густые

 темные

 травы.

Гулкие своды покинув,
Падаю я в траву,
А мой провожатый в черном,
Голову запрокинув,
Рукою тянется к небу,
Тянется в синеву.
Там,

 на фронте сером,
Другая рука.

 В перчатке.

Кем – то в злобном испуге
Отрубленная рука
Зодчего Арсакидзе,
Мастера этой кладки...

«Старый Званба
пустился в пляс»

Старый Званба отару пас
В котловине зеленых гор.
Сверху ястреба рыжий глаз
На отару смотрел в упор.

На вершинах сверкает лед,
Далеко вокруг – ни души.
И Нико в обожженный рот
Опрокинул желтый кувшин.

Выпил весело до конца,
Поглядел на сосуд Нико –
Грянул оземь кувшин в сердцах.
Черепки летят далеко!

Серый ястреб рванулся ввысь,
Зашатался зеленый вяз,
Водопад загремел –
Держись!
Старый Званба пустился в пляс!

Начал в полдень плясать абхаз,
Кончил – мылась в ручьях заря,
И качал головою вяз,
За лезгинку благодаря...

Топал Званба к жене домой
По ручьям, сокращая путь.
И бараны брели гурьбой,
Пританцовывая чуть-чуть.

Мы смотрим в лицо друг другу –
И я узнаю старика.
Нетленны такие лица.
Как в старой крестьянской сказке,
Для них века –

не межа!

Ведь это же Арсакидзе,
Бежавший от злобы царской.
И городским Советом
Принятый в сторожа...

«Возвращение»
Баграту Шинкуба

Возвращаются
из приличия.
Возвращаются
по обычаю.
Возвращаются,
как из плена...
Я к тебе вернусь непременно –
На твоих дорогах
кремнистых
Оглуши меня
птичьим свистом,
Ослепи
водопадным блеском,
Весели
танцором в черкеске,
Бубен выкатив на поляну!
Как в тумане,
другие страны,
Как в тумане,
родные рощи...
Возвращенье.
Нет счастья проще.
Это пчелы в тяжелых розах,
Это пихты в четыре обхава,
Это трепетный стих Баграта,

Что ущельям
 для чистки
 роздан!..

«Пастухи уходят за перевал»

Ручей,
 отчаясь, –
 в тебя, скала!
В седле качались
 прямей ствола.
Сыров и хлеба
 жернова.
Кругами в небо –
 за перевал.
Плясала ветка,
 влажна,
 ряба.
Вмерзали в солнце
 ястреба.
А кони резвы,
 в зубах – мундштук.
Острее лезвий
 тропы уступ,
С гортанной песней
 за кругом круг
В родное место –
 альпийский луг.

«Купала в горах»

Утром парень с табуном колхозным,
Взяв ружье, ушел высоко в горы,
Где луга так широки и росны
И темны ущелья у Клухори.

Запылал костер – взметнулись тени.
Тишина.
Нелегкий день окончен..
Но раскрыта книга на коленях –
И не спит парнишка до полночи.

Гаснет пламя: хворост догорает.
Задремал хозяин перевала.
На косматой бурке отдыхает
Высоко под звездами Купала.

«Дорога»

Поворотов много,
И круты откосы,
И летит дорога,
Словно ястреб,

косо.

Разобравшись строго,
Все припоминая,
Жизнь моя – дорога
Птичья, не людская.
Над рекой и лугам,
Над садами в росах
Часто шел по кругу,
Словно ястреб, косо!

Обычай учит:

горсть земли

на память

Возьми с собой –

домой вернет она.

А у меня сегодня под ногами
Тугая,

злая,

мутная волна.

Обычай тоже терпит перемены.

В осенний шторм попав,

на корабле

Я наглotalся столько горькой пены,
Что буду вечно думать

о земле!

«Ночь. Корабли»

Мимо спящего города,
От причала вдали,
Как облитые золотом, –
Корабли,
Корабли.
Незнакомые, желтые.
Вам известен маршрут.
А вот мысли тяжелые –
Те куда уплывут?
Вдоль настила

скрипящего

Гулко

ходит

вода...

Друга я настоящего
Потерял навсегда.
Я – к приятелю старому.
Я бужу его в ночь!..
Смотрит заспано карими
И не может помочь.
...За холодными арками,
За чертою земли,
Словно факелы яркие, –
Корабли,
Корабли.

«За здоровье Гулиа»

Мгла звенит цикадами,
На ущелье брошена.
И шакал за скатами
Воет, потревоженный.
Хлеб, луной обрызганный.
На пиру в ауле я.
Тамада наш признанный
Рог поднял за Гулиа.
Стариков не спрашивал,
Просто начал речь свою:
– За поэта нашего!
За здоровье вечное!

Видно, прожил гордо он
Жизнь, как чашу, полную,
Если пьет за мертвого
Все селенье горное.

«Камо в Тбилиси»

Тбилиси –
 словно ваза пестрая.
Ну, а края у вазы –
 острые,
Края у вазы –
 кряжи горные.
Старинных замков
 шпили гордые.
Авто зеленые и белые,
В каштанах –
 птицы ошалелые.
Иду по скверу со студентами.
Гортанный смех,
 гитары звук...
И вдруг
 лицом к лицу –
 с легендою,
Такой,
 чтохватило дух!
Музеев рухлядь
 на замок!
На камне выбито:
 КАМО.
Камо –
 читать не обязательно,
Камо –
 звучит иносказательно,
Камо –
 рабочих рук содружество,
Камо –
 среди мужественных
 мужество!
Я сувениров хлам когда-нибудь
Небрежно брошу на комод,

Но город да пребудет в памяти
Навеки, если в нем – Камо!

«Земля. Апрель»

Планеты остывшие – кони без всадников,
Мчатся по кругу без смысла и цели.
На щедрой Земле в глухих палисадниках
Скворцы в состязанье вступают в апреле.
На щедрой Земле и восторги, и жалобы,
И красок тона то угрюмы, то светлы.
В апреле двory, как зеленые палубы,
Промытые ливнем, продутые ветром.
И встречным парням улыбаются женщины.
Упруга походка и бедра округлы...
Планеты по черному кругу заверчины,
Ни женской улыбки, ни радостной встречи им
С дуэлью скворцов, Помешавших друг другу.
Кричу я: такое с Землею не будет!
Пусть щелкают птицы и губы алеют,
И пахнет жильем половодие улиц,
И ветки в лицо – лепестками апреля!

«Липы на солдатском кладбище»

Над безмолвьем гранитных глыб
Караул лип
От двенадцати до шести
Клейкой веткою шелестит,
От полуночи до зари
Серой птицею говорит

И лопочет, и гонит сны
Всеми запахами весны,
Чем-то смутным,

свежим,

лесным...

Деревам

под лучами

млеть,

Деревам

от ветров

хмелеть,

А солдатам

уже не петь,

Сапогами не грохотать,

На привале не хохотать...

Над безмолвьем

гранитных глыб

Шелест лип.

«Море в бурю»

Ревет оно, темное, дико,

Баркасы и рыб распугав.

И чайки заходятся криком,

На острые гребни упав.

Никто с ним не думает спорить,

Никто не обидел его,

Но гневно кричит это море:

– Оставьте меня одного!

«Педагоги»

Город спит.

Ночь его коротка.

Я стою над рекой широкой.

Чуть приметная дрожь тростника...

Вспоминается школа.

Уроки.

За окном – аккуратненький двор,

Воробьи куролесят на клумбах.

А учитель –

в отставке майор –

Входит в класс...

С капитаном Колумбом!

– Познакомьтесь.

Колумб Христофор.

Вот на карте

путь капитана...

Где там карта?

Свинцовый простор

На дыбы –

и в суда

каравана!

...Постигается новый урок.

Над Сенатской отухали пушки.
Вот Дантес нажимает курок -
Классу слышно,

как падает

Пушкин!

Наш учитель -

ворчливый старик,

Руку жмешь -

холодна,

словно иней.

Но откуда ликующий крик,
Крик матросов,

ворвавшихся

В Зимний?

...Мир великих людей

и дорог,

Разве он умещался

в тетради ?

В этот мир меня звал

педагог,

И я верил,

что мужества

хватит!..

Катит воды

ночная река.

Где-то выше

притоки,

истоки...

Педагоги

уходят

в века,

Навсегда нам оставив уроки.

«Нефтестрой»

Нефтестрой -

это теплотрасса,

Это лес,

что чернее свай,

Это самый веселый транспорт -

Траллер и самосвал.

Пахнет осенью и бензином.

Арматуры строгая сеть.

Я иду в сапогах резиновых,

Отливающих

цветом

в нефть,

И каркас я глазами пробую -

В небо врублен

стальной каркас.

Вспоминаю:

в такой же обуви

С рыбаками я шел

на баркас.

Если рыбу ловить -

так тонны!

Строить -

так в богатырский рост!..

Остановливаюсь,
Автогенной ослепленный
 яростью
 звезд.
Остановливаюсь от радости,
Что великое
 рядом со мной
Без фальшивости и парадности.
Благодарю,
 Нефтестрой!

* * *

«Студентам музучилища»

То нежнейшей,
 то гневной и гордой
У Никколо
 скрипка была.
И толпа говорила:
 черт он!
Но на помощь святых не звала.
Вы,
 по улицам гулким
 по зимним
Скрипки
 робко несущие в зал, -
Я хочу,
 чтобы сам Паганини
Встал за вами
 и вам помогал.
Я хочу,
 чтобы в стареньком зале,
Где до блеска начищен паркет,
Вам профессор,
 придя на экзамен,
Вдруг попал...
 на великий концерт;
Я хочу,
 чтобы снежным простором
Пела
 майских ветров
 круговерть,
Чтобы грузчики с барж
 и шоферы
Брали
 штурмом
 сосновую дверь!

* * *

«Покинутый друг»

Средь строгих сосен, темных и мохнатых,
Где к водопою путь кремнист и глух,
Не знаю, кто - лесник или пастух -
Дом над ущельем выстроил когда-то.

Надежным другом был он в непогоду,
Когда постель сухая дорога.
С одежды грубой отжимая воду,
Смотрел охотник в пламя очага.

Прошли года.
И домик тот заброшен.
И дверь скрипит, как старая арба.
И пастухов сюда с оленьей ношей
Не приведет забытая тропа.

Случайный гость – смотрю на домик этот.
Он одинок в безмолвии своем.
От злого зноя высохнет он летом
И в ноябре разбухнет под дождем.

Не будет здравниц. И друзей не будет
Ни в жаркий май, ни осенью сырой..
Идут другие молодые люди
Непроторенной дальнею тропой!

Черный камень – буйвол черный,

Ты арбу воспоминаний
Тянешь по дороге горной
Молча

к морю,

черный камень.

Я-то знаю, что ты помнишь:
конский топот,

свист нагаек...

У меня другая полночь,
У меня заря другая.
На плечах несущ я солнце
К морю,

в утреннюю свежесть.

Грач спросонья к ветке рвется,
Ветка к мокрым травам гнется,
Вал о дамбу глухо бьется,
Налетев на побережье.

Неужели я устану
И под небом в крупных зернах
Молча встану,
Стынуть стану, –
Черный камень,
Буйвол черный...

«Ласточки и больница»

Крыша, а под нею –

щебет птиц.

Нет лекарства лучшего, чем это.
Ласточки

над желтизною лиц,
Над холодным голубым ланцетом.

Ласточки
Жизнелюбы,
Ласточки
 над головой врача.
 утренние птицы!
 на лезвии
 луча...
Ничего со мною не случиться!

«Яблока хочу»

Мы шли проселочной дорогою
К тишайшей станции
 Шугарино.
Сады...
Но нас они не трогали
Холодным
 яблоневым заревом.
Мы шли вдвоем,
Но шли угрюмые,
Но это было одиночество.
«Одной из многих быть не хочется», –
Она об этом, видно, думала.
А я о том,
 что быть единственным,
Пожалуй, мне не по плечу...
И вдруг
 так весело,
 так искренне:

– Послушай,
 яблока хочу!
Рванулась...
 Яблоко тяжелое
Горит в руке
 под стать лучу.
О, эта радость обнаженная!
– Послушай,
 яблока хочу!

«Обычай»

Это делают не из приличья,
В этом щедрость горской души...
Жил веками такой обычай
В сакле каждой, в любой глуши –
И богатый и бедный равен
Перед ним.
И тебе любой
Рог подарит в резной оправе
И охотничий нож простой,
Все, что хвалишь ты ненароком, –
Серп, папаху или ружье, –
Жестом искренним и широким
Он предложит – бери, твое.
И нисколько не пожалеет.

Девушки финских домиков
У озера оснеженного,
Где на крутом косогоре
Сосны чернее грачих,
Девушки в платье ситцевом,
Приносят вам рыбу свежую
На кухню прямо из проруби
Дворники-бородачи.
Вы в школу вечернюю ходите
В такой удивительной местности,
В голубоватой и звонкой,
Как фехтовальный зал.
В снежки под сосной играете,
Смеетесь свежо и весело,
А званье у вас

скучноватое:

Обслуживающий персонал.
И строго требуют лыжи
Сердитые знаменитости,
И франты –

артисты джазовые

Чарльстон танцуют без вас.
Мне нравятся

эти крыши

В белой своей забытости,
Мне нравится,

как вы робко

Идете со мной на вальс,
Мне нравится,

как, смелея,

Вы увлеченно кружитесь,
Мне нравятся ваши руки
Больше, чем ваше рагу...
Хотите лезгинку,

девушки?

Под этой сосною,

девушки?

На этом таком глубоком
Похрустывающем снегу?

«Голубое озеро»

Есть на Бзыпь поворот знаменитый.
Сердцем ты стереги поворот.
Там вплелись корневища самшита
В белый камень
Юпшарских ворот.
Там есть озеро – то,

голубое,

В обрамленьи зеленых вершин.
Эту воду возьми ты с собою,
Как вино, –

запечаатай кувшин.

Будешь помнить о горной дороге,
Будешь вечно стремиться сюда.

Если были когда-нибудь боги, –
Это их питьевая вода.

«Зима»

Утром липам,
Пышной кроной
И на окнах –
Белый медведь.
Мне по нраву такой художник:
Синим окнам –
А ветвям оголенным –
Чтоб до мая
Не заржаветь!

«Разлюбила»

Эта женщина разлюбила
(Обернулась пропастью трещина).
Не корила и слез не лила,
В предрассветный час –
Парой темных глаз –
(Я был подл. Не простила женщина).
Эта женщина мной любима,
Как-то странно любима,
Без нее и строка-
...Листья падают,
Косо падают
Эта женщина где-то в городе,
Очень слабая,
Очень гордая
Темноволосая женщина.

«Желание»

Я хочу поспать на сеновале

В маленькой
безвестной
деревушке,
Чтобы волны
сена
укачали,
Чтобы плыть всю ночь
и не причалить,
Петушиный гимн
вбирая в уши.
Я хочу поспать на сеновале
Самого заброшенного дома,
Чтобы звезды
падали
в проломы,
Чтоб глаза мне
звезды
раздирали.

Утром поднимусь,
насквозь пропахший
Сеном,
словно лесорубы –
хвоей.
Я пойду –
и стынувшая пашня
Будет прогибаться подо мною.
В ближний лес,
как в темную пещеру,
Я уйду,
толкаемый лучами,
Как земля моя,
простой и щедрый.
Захлебнусь там
острыми ручьями...

«Кувшин»

Он валялся за низкой скалей,
Проклиная такое житье,
И просил он у неба хоть каплю
В обожженное горло свое.
Ливень бил по акциям тонким..
И кузнечиков в травах глушил..
Свежевымытый,
Черный
И звонкий
Захлебнулся от счастья кувшин!

«На берегу»

Пью вино с плотогонами,
Ветчиную закусываю.
– Ну, а как вы их гоните,
Неуклюжие,
грузные?

Вывернутая в баркас,
Рыба
 пускается
 в пляс
По доскам
 соленым и влажным.
Песня –
 это зовущий рот:
Воздуха!
Донного!
Синего!..
И плавниками сильными
Рыба
 по доскам
 бьет!..
Мне нравятся
 темные глыбы
Камней
 в озаренье луны.
Мне нравятся
 белые рыбы
Из самой глухой глубины,
Мне нравится,
 как они входят
В мою необъятную сеть!
Но как они в пляске исходят –
Я не люблю смотреть...

«Черные горы»

Черные горы в клочьях тумана,
Прижались –
Скала к скале.
Темно, как будто в дуле нагана,
И тесно, как пуле в стволе.
А где-то внизу, вымытый, свежий,
Тянется к солнцу росток,
Цвет осыпают ветки черешен
В желтое птичье гнездо.
Сверкающий катер, пугая бакланов,
Летит по зеленым волнам..
Черные горы в клочьях тумана,
Я не завидую вам.
В небо уперлись острые пики,
Горестны шрамы камней.
Трудно вам,
 трудно –
 гордым, великим –
Жить без людей!

Вот такое,
 друг,
 положение:
Вспоминаются поражения.
...Прогибается ветвь каштана

Под окном областной больницы.
У больного не сердце – рана.
Стынет сердце,
Не хочет биться.
Но хирург это сердце – в руки...
Побеждать умеют хирурги.
А в ночи сигареты тление:
Вспоминается поражение.
Ночь взметнулась к небу антеннами.
На антенне звезда ночует.
За окном, за глухими стенами
Одинокая тень кочует.
Тень поэта в окне качается...
До рассвета ночь не кончается...
Вот такое, друг, положение:
Вспоминается поражение.
Все рельефнее,
Все огромней.
О победах мы как-то не помним...

«Ноябрь, половина шестого»
В половине шестого ноябрьская стынь.
Город синь.
Синь город, как утром горы.
Где ты там, за какую шторой?
В цитадели какого дома?
Я дарю тебе синий город,
Как папаху дарят знакомым.
Я дарю антенны, и звезды,
И продрогшего постового...
Через час уже будет поздно.
Город синь в половине шестого.

«В бильярдной»
Встретит вас у входа
Парень статный, ладный.
Двадцать пять от роду –

кажутся мне сирыми,
Когда дроздами не поют.
Морская сеть, что плещет рыбами,
Рыбешек выронит на дно.
Тяжелою зеленой глыбою
Повисли горы надо мной.
Моя планета, я на ней –
Да будем крупно живописаны!
Тем достоверней, чем крупней.
А впрочем, это знали издавна...

«Мое селенье»

Вечно здравствуй, селенье мое!
Облака, что с дрогою вровень,
Нож, на свадьбах стальным острием
Раздирающий мясо воловье,
Над оврагами пихтовый лес,
Школьный сад – апельсиновый запах,
И добротная новая ГЭС,
И электрички в серых папахах...
Над тобою висит перевал.
И к нему уходили солдаты.
Мне б вести их – все тропы я знал, –
Но у них был другой провожатый.
Котелками пустыми звеня,
Уходили.
Скрывались в тумане...
Обелиски покой их хранят
В половине пути до Кубани.
И не пахнувший гарью боев
Ветер с гор шевелит колыбели.
Вечно здравствуй, селенье мое!
Гул турбины и звуки свирели.

Первым, острым лучом
Разрубаются сны.

Это грохот прибоя –
в аорте,
Это завязь плода,
Это ярость весны,
Это сизая стынь горизонта!
Мой сосед – обыватель.
Зарылся, как крот...
Каждый метр его жизни проверен.
Пожимает плечами:
– Какой горизонт?
Лучше б думал ты
о карьере...
Он забыл,
как с ватагой
штался Язон, –
Хоть руна обладателем не был,
Но зеленой горою манил горизонт,
Серой птицей –
колхидское небо.
...Это ветер дорог,
Это в полночь – не спать,
Удивляясь Медведице желтой.
Это черные яблони
за руки взять
И шагнуть
за черту
горизонта.

Подшли к перрону горы,
Видно, жаль со мной проститься –
Через две минуты скорый
В степи голые умчится.
Пыль глотает поезд скорый
На равнинных перегонах.
А глаза закрою –
горы
Все грустят в плащах зеленых.

Привыкаю
к пути высокому
Без огней сигнальных
у берега.
Среди птиц
принимаю
сокола,
Средь растений –
стебель бессмертника.
Я иду
широко и весело.
С ветром,
с солнцем
креплю содружество.
Такова у меня профессия,

Невозможна она
 без мужества.
В степь приду –
 прорасту бессмертником,
В небо взмою –
 и стану соколом,
Принимаю
 белый бросок его
Над крутым
 и зеленым берегом!

Ночью вижу:
 облако дальнее,
Грибообразное облако.
Словно грузный ворон,
 реальное,
Осязаемое,
 как яблоко.
Нет деревьев,
 друга и города.
Все бело,
 невесомо,
 пустынно.
А луна почему-то
 черная
Над равниной пепельной
 стынет...
Просыпаюсь –
 и настежь оконце!
Убеждаюсь:
 был просто бред.
В синих лужах
 осколки солнца.
Голубь.
Девочка.
Парапет.
Красный флаг над фасадом дома.
Ливнем вымытое шоссе.
Голос в рупоре бодр и громок:
– На юге
 начался
 сев!

«Баллада о воде»

Вода
 острова
 питает
И моет подошвы цапли.
Вода
 человека
 пытает
Капля за каплей,
Капля за каплей
По темени синему,

Пришло же такое голому...
в голову!
Стоят над кораллами тусклыми
Атомные подлодки.
Но дождевыми руслами
Летят корабли из обертки,
Но жерновами мельница
Гудит – и зерно размолото,
И ночью вода мне грезится
В сухой палатке геолога.
Она на турбины рушится,
Форелью трепещет
в неводе.
Людей и воды содружество!
...А пытку придумали
нелюди.

* * *

«Изабелла»

Знойный луч обвенчался с лозой,
Чтобы горцев земля не скучала,
И хлопчут резною листвой
Виноградники Бзыпи и Дала.
Тамада!
Первый тост приготовь!
Ничего, что он будет узорен, –
Словно ночь, виноград этот черен,
Словно мак, его жаркая кровь.
Толстых лоз непокорный виток
Осыпает плоды на каменья,
В горло льется их солнечный сок
В ночи свадеб и в дни погребенья...
Кто сказал, что он людям не впрок?

* * *

«Поэт»

Поэт идет на ощупь,
наугад
К суровой правде
и суровой дружбе,
На узкой тропке ступит невпопад –
И вниз,
И вниз
быстрей обвала
с Ушбы!..
Я много раз встречал обвал в горах,

Он грозно

мчит

по каменным порогам,

Но остается только белый прах,

И тот легко смывается потоком.

Поэт живуч.

С тропы сорвавшись вниз,

Он будет вновь карабкаться

тропою.

Не говори ему:

– Остановись!

Он не умеет

выходить

из боя!

И так всегда.

И так десятки лет.

До самой смерти...

Если он –

поэт.

«В сторону перевала»

Сначала – лес... Светлейших буков

Немое противостоянье.

Сначала лес, а в нем – ни звука.

И птица riskовать не станет:

Ее пугают эти тропы,

Ей чудится стрельба по цели.

Пустая ветка цвета дроби

Едва колышется в прицеле.

Потом река в плену у камня.

Ее оглошшая дорога.

Не встретить пламя очага мне,

Лозы набухшей не потрогать.

А дальше – сумрак лиловатый,

А выше – чехарда тумана.

Затем кустарник розоватый

В пустых селениях ацанов.¹

Под зноем и под снегопадом

На голом склоне, голом склоне

Остались низкие ограды,

И даже буря их не тронет!

...Куда пропали гномы эти?

Богами древними любимы,

Они болтали о бессмертье

И пели, что неистребимы...

Мне путь открыть не захотели.

От пуль,

От зависти,

От мести,

Наверно, к звездам улетели.

Отсюда близко до созвездий!

Но что мне до звезды полночной?

Пускай прохладна и громадна, –

Мой счет с людьми еще не кончен:

Любить и ненавидеть надо.

Куда б ни шел – одна дорога:

Это давние, давние люди
Нам послали зеленый привет!

«Заклинанье от укуса змеи»

– Мама, уходит сила!
Не зарядить ружья..
У Рыжей воды укусила
Маленькая змея.
– Знаю наговор я!
У рыжего человека
Рыжие сапоги,
У рыжего человека
Рыжие кулаки.
Бежал по дороге рыжей,
Бродил среди рыжих скал,
Рыжие травы выжег,
Рыжую палку взял,
Взмахнул над змеей обманной –
Отбросил ее далеко..
Теперь подую на рану,
Тихо подую на рану..
Вот и стало легко!

«Строительство дороги»

Когда уже – слишком осень
И громок волны накат,
Ущелье хрипло попросит
Света у светляка,
Как будто вечность попросит
Бессмертья у мотылька.
А снизу ведут дорогу.
Ругань и гул работ.
Над краном – единорогом
Презрительных туч разлет.
Не сладко даются вежи,
Но в перерыв на стол –
Бутыль «изабеллы» с верхних
Недоступных сел!
И за своим прорабом –
Веселый безродный грек –
Дорога рванулась вправо
И потянулась вверх,
Туда, где в дождях крошечных
Поблескивают клинки,
И сыплют листву черешни
На мокрые башлыки,
И светлые крики свадеб,
И поминальный вой..
До коновязей,
усадеб
Ползет автокран стальной.
В селенье придет дорога –
Накатанный скользкий путь.

Приобретете много,
А потеряете чуть:
Пустяк – от своих традиций,
От дедовской прямоты,
От посвиста ловчей птицы
И охлеста высоты,
Когда так светло и жутко
Сорвется звезда в траву,
Когда так темно и чутко
На ощупь берешь тропу...
Расцветит,

остооголосит

Шоссе

ту глушь на века!

И все ж ущелье попросит
Света... у светляка,
Как будто вечность поросит
Бессмертья...у мотылька!

«Охота»

...И начал я сеять пули
На две стороны перевала,
Когда уже снега ждали.
В турах,

в стволах,

в камнях,

В крутых ледяных завалах
Продолговатые зерна
Всходов не дали.
Пронзительным и просторным
Был лес,

как возмездие дому.

В турах,

в стволах,

в камнях

Ожогом рыжели раны...
Мед замешав водою,
Небесным Стрельцом ведомый,
Я приходил в глухие

пастушечьи балаганы.

И вспоминал все реже,
Что я из другого мира,
Где ранят шутя друг друга
И маются без причины...
Ребяческой безделушкой
Сверкало созвездие Лиры.
О нем у костра ни разу
Не говорили мужчины.
...Но что-то стряслось однажды,
В ущелье набилась плесень,
И поползли со склона
Усталые мокрые змеи...
И кто-то в золу промолвил:
Нам не хватает песен,
Похожих на плод граната
Или еще светлее!..

И стал перевальный гребень
Туманиться,
 опускаться,
И пуля в стволе уснула,
Забыв про тропу Оленью,
И выше Стрельца взметнулись
Антенны радиостанций
В огромном и тесном мире,
Тоскующем по обновленью!

«На абхазской границе»

Автобус грохочет на спуске крутом,
Мольбе пассажиров не внимая,
И кажется,
 кто-то поставил ребром
Пестро разодетую землю.
Веселое чувство движенья вперед,
С тобою ничто не сравнится!
Шофер понимает, что время не ждет,
Не ждет на абхазской границе.
Горит мириадами искорок-звезд
Речонка на ложе неровном;
Зеленая будка и маленький мост –
Граница, конечно, условна.
Час дня у моста,
 по ту сторону – два,
Там время по-своему мчится,
По-своему щедро вскипает листва
И хлещет по окнам и лицам...
И радостной песни простые слова
Летят над абхазской границей.

«Припев»

Если ястреб в пору лова
Взмлет над скалой суровой,
А крыло большое тянет
К пропасти в гнилом тумане,
Если волк,
Распластав спину,
Ринется на поединок,
А змея ужалит в ногу,
Оборвав его дорогу,
Если парень сбит зарядом,
И друзья застыли рядом,
И верней, чем слой крахмала,
Кровь впиталась в покрывало, –
Эй, бинтуйте песней рану!
Атла псирири псиквану!
...Если он в родном ауле
Погибает не от пули –
У пустынного порога
Он строгаёт понемногу:
Ветра свист вдоль сучьев голых

Для него –
Как женский голос,
И кувшин его усадьбы
Сохнет по вину для свадьбы,
И ночами стынет ложе, –
Что утешит, кто поможет?

Эй, бинтуйте песней рану!
Атла псирири псиквану!

«Абхазия»

Воспоминая управляют мной,
Я околдован хитрою судьбою:
Все кажется – я мир тебе устрою
Разноголосый,

 странный
 и цветной.

За горизонт раздвинутся границы,
Передовые встанут города.
В гнездо забьется птица от стыда,
Мою не в силах облететь землицу.
И зазвучат, назло моим врагам,
Дороги те, которыми владею,
По вертикали – к звездам Водолея,
Горизонтально – к серым островам.
...Но только мне до гробовой доски
С одной любовью и одной печалью,
И всех земель превыше, изначальной
Тишайший склон у бешеной реки!
И лишь возьмусь устроить мир иной –
Квадратных

 Девять тысяч километров
 Скалой,

 Антенной,

 Веткою

И ветром:
– Куда собрался?
Воротись домой!

«Исповедь убыха»

Забывают мои одежды,
И оружие мое, и речь.
Только имя осталось прежним.
Для чего мне имя беречь?
Узнаю я гнездо орлицы,
Понимаю шелест змеи.
А вокруг все чужие лица –
Ни очага, ни семьи!
Кто от яда,
Кто предан, продан,
Кто – под гребнем крутой волны..
Переверали дела и годы
Летописцы со стороны.

Перевалы – в алмазном сверке,
Но бесстрастны они, глухи
И названья их исковеркав,
Сочиняют теперь стихи.
Снег весной, как вино, забродит.
Оглушителен крик реки:
– Посмотри!

Земляки уходят.

Туго стянуты башлыки.
И бредут они тихо-тихо,
И вода пожирает след...
Ни нашествия и ни ига.
Есть земля.

А народа нет!

Идут года.
Я не веду им счет.
Но жизнь сама мне предъявляет счета.
И, как тяжелый непослушный плот,
Влетаю я в ее водовороты.

Я знаю, есть такая сторона
У темных скал за горным поворотом...
По мне там плачет женщина одна –
Вот первый счет.
Как заплатить по счету?

Весна играла, склоны зеленыя.
Поехал я с соседом на охоту.
Мне б на тропе не удержать коня –
Сосед помог...
Как быть мне с этим счетом?
Он жизнью рисковал из-за меня.

А память тех, кто больше не придет,
Окончив путь на Волге и на Висле?...
Пожалуй, это самый строгий счет.
Не оплатить его и не исчислить!

Весна играет, вызеленив склон,
Река, как сабля, с птичьего полета...
Вчерашний снег грохочет под уклон.
Жизнь так свежа!
Но счет не погашен,
И трудно жить, не заплатив по счету.

«Фамильное кладбище»

Где тот дом, косогор охраняющий?
Да пригрезится родичам он!
В непогоду смотрящий (куда еще?)
На нераспаханный склон.
Где орех, над крыльцом нависающий
И гремящий зеленым ядром?
В год сиротства и горя (когда еще?)

Он соседским разбит топором.
Где тот двор, по возмездью тоскующий,
Постигающий Каина грех?
...Если так, только сыну (кому еще?)
Возродить и любовь и орех!
Из воды, из камней, из глины ли
Сотворить и чурек и вино...
Но увидеть те плиты могильные
Даже сыну уже не дано.
Им дожди проливные наскучили,
Надоел им гнилой снегопад.
Они порослью злой и колючею
За свое одиночество мстят.
Эту поросль огнем не потрогают,
Не прорубят ударом клинка.
Это – сразу за домом Георгия
И за пределом...стиха!

Ольховый лес остался мне,
А там – селение отцово.
А там – середь веток и камней
Холодный блеск родного крова.
Прошла гроза – и мягок грунт,
И листья листьям шепчут вести,
И в ноги падают и ждут
Какой-то запоздалой песни.
А кто захочет, кто споет
О всех потерянных и павших?
Такая песня подойдет
И листьям, грузным и опавшим,
И белой бешеной воде,
И ярким звездам над снегами...
Отцовский дом в одной версте,
Земля родная под ногами
И птицы крик над головой,
Такой усталый и негромкий.
И между небом и травой
Напев мой тычется в потемки,
На ощупь, робко...
Но светлей
Ольховый ствол заря качает.
И песнь протяжней и сильней,
И где-то родич отвечает!

«Браконьерская баллада»

Заповедные звери в заповеднике нашем,
Родники и травы – на ужин!
В заповедном лесу заповедная стража
Нетяжелую службу служит.
...Заповедной тропой прошли по следу
Братья из Ачандарской усадьбы:
Все ж на этой земле охотились деда,
И у старшего – дело к свадьбе!
Скоро свадьба, и ждет дорогая невеста.

На столах из ольховых досок
Турья туша пришлась бы к месту!..
Но стража ждала под откосом.
..Боевые винтовки бьют выше цели,
Бьют влево цели и вправо,
Чтобы братья голов поднять не смели,
Чтобы грызли жесткие травы!
«Сдавайтесь» – И придвинулась ближе,
За каменя прячьась, засада.
Младший сказал: «Надо выжить.
Пусть за тюремной оградой».
Ачандарские братья сдались на милость,
Ружья у них отобрали.
Повели по тропе, что устало змеилась..
А вверху, на родном перевале,
Встала в белом невеста брата,
Словно призрак – легкой такую..
«Развяжите руки, ребята!
Я хочу ей махнуть рукою».
Но никто не хотел в туман вглядеться,
Никого не тронула просьба.
И тогда охранник схватился за сердце,
Охнув, винтовку бросил.
Майор оглянулся и принял меры,
Стреляя наотмашь, скоро,
Но пуля, убив браконьера,
Словно вернулась к майору.
И когда тишина прошла вдоль поляны
К трем, распластанным в бурых лужах,
Горько вздохнул один из охраны:
«Дурак я. Забыл проверить карманы..
И кисти стянуть потуже!

«Абхазский танец»

Как вино молодое, искристый
Древний танец Кодорских земель.
Загорелые наши солисты
Потрясли и Париж и Брюссель.
..Рвался бубен со строгой эстрады
В затаивший дыхание зал,
А танцор то гремел водопадом,
То весенним каштаном шуршал.
Наши парни себя не уронят!..
И в далеких чужих городах
Им в ответ грохотали ладони,
Как обвалы в абхазских горах.

«Орел из самшита»

Орел из самшита стоит на столе
В уютной и маленькой спальне,
Похож на того, кто в предутренней мгле
Срывается с грубого камня.
Пожалуй, покрепче самшитная грудь

И крыльев размах идеальней.
Но только обиден и мал его путь –
От магазина до спальни.

А я бы хотел на живого взглянуть,
Скучая по родине дальней;
Живой, он в осанке небрежной чуть-чуть,
Он проще,
Родней
И печальней.

* * *